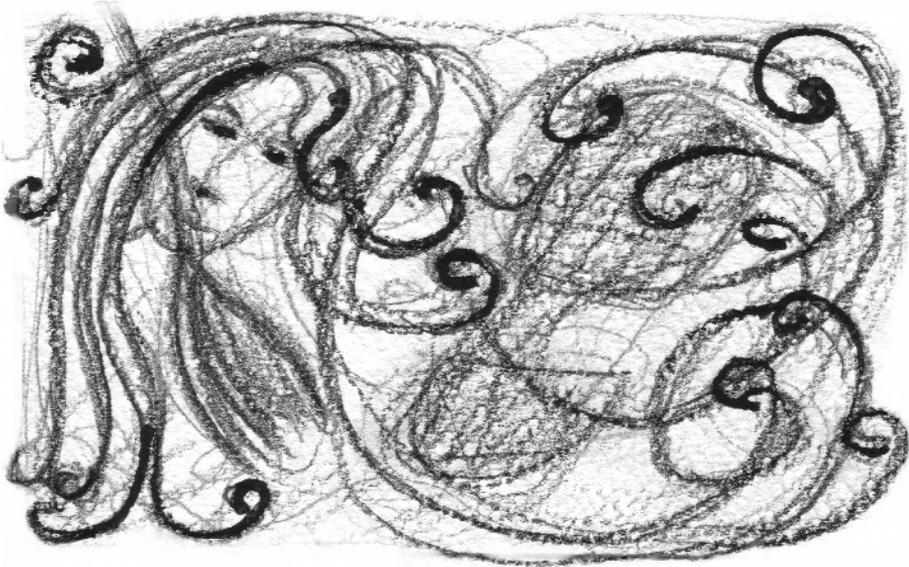

Игорь Маранин

Ищайка Старьбога

Если бы мы не свернули на Ядринцевскую, ничего бы не случилось. Я бы зашел в магазин и купил новую тетрадку, чтобы писать в летних кафе стихи и придумывать сюжеты киносценариев, за сочинение которых никогда не возьмусь, а мой приятель Серега, по прозвищу Трехтонник, отправился тусоваться к пивному ларьку или смотреть в три тысячи двадцать восьмой раз мультики про Шрека. Насчет трех тонн прозвище, конечно, преувеличивало, но не намного: комплекцию Серега имел внушительную, а зеленые шорты, зеленая на выпуск рубаха и того же цвета бейсболка делали его похожим на любимого мультгероя.

Но мы свернули. Перешагивая забытые прошедшим дождем лужи, сделали десяток шагов в сторону от центра города и тут же услышали пронзительный крик:

— Сто-о-ойте!

Серега резко затормозил, я врезался физиономией ему между лопаток, а из-за ближайшего дерева выскочила женщина в длинной цветастой юбке и безразмерной вязаной кофте. В руках она держала веник и большой полиэтиленовый пакет.

— Не наступил, не успел, — обрадовано вскрикнула она и принялась сметать с асфальта чей-то грязный след от ботинка.

— Сумасшедшая, — констатировал Серега, глядя на нее сверху вниз.

Женщина подняла голову, и из-под копны рыжих невымытых волос на нас глянули два безумных зеленых глаза.

— Две жабы, — тихо пробормотала сумасшедшая, смещаясь к нам за спину, — черная луна, ночь и желтый цветок...

Серега покрутил пальцем у виска, наблюдая, как незнакомка подметает за нами следы, затем махнул мне рукой и двинулся дальше. К пиву и мультикам.

Не верьте слухам про Пэрис Хилтон. Она вовсе не такая скандалистка и пьяница, какой ее показывают по телевизору. Это удивительно тактичный, милый и душевный человек. Угостила меня чашечкой кофе с пирожными, расспросила про жизнь, фотки из домашнего альбома показала. И уже совсем было согласилась пойти вместе на концерт Розенбаума, как позвонил Серега и всё испортил. Я проснулся.

— Слышь, у тебя всё нормально? — встревожено спросил он.

— Который час?

— Пять, кажется. Так ты в порядке?

— Ну, — сонно пробормотал я, — кажется, Пэрис все-таки не согласилась... А так ничего... Сплю.

— У меня зуб пропал! — неожиданно выпалил он.

Я сел на диване и попытался сосредоточиться. Время — пять утра. Суббота. 16 июня. Звонит Трехтонник, который никогда не встает раньше полудня. Несет какой-то бред про зубы.

— Перезвоню, — буркнул я в трубку и упал обратно на диван.

Пэрис Хилтон куда-то исчезла. Телефон настойчиво зазвенел снова, но отвечать я не стал. Не открывая глаз, нашарил рукой и вырубил аппарат, чтобы не мешал. Тишина...

Когда я проснулся снова, по комнате уже всюю прыгали солнечные зайцы, пугая одинокого жирного таракана. Он шараялся от них в сторону, но упрямо продолжал ковылять к плинтусу. Надо же, сроду никаких насекомых в моей квартире не водилось: характер у меня скверный, чуть что за отраву хватаюсь. Я сполз с дивана и, пошатываясь, отправился в ванную. Поплескался под душем, поскреб тупым станком щетину, вспомнил о ночном звонке Сереги и ехидно хихикнул. Ну, я сегодня ему устрою пропавший зуб!

Накинул халат, вышел на кухню и... застыл на пороге. Вместо нового импортного холодильника, купленного три года назад, в углу громко пыхтел прежний старенький «Юрюзань», который я самолично отвез кому-то на дачу, обменяв на несколько блоков сигарет. Мысли пугливо разбежались в разные стороны, оставив меня один на один с холодильником из прошлого. Наконец, самая смелая осторожно вернулась и подергала за рукав:

«А внутри что? — шепотом поинтересовалась она. — Продукты трехлетней давности?»

Оказалось, нет. Внутри был вчерашний пакет молока, остатки курицы на пластмассовой тарелке и недоеденный вечером плавленый сырок. Все

остальное — початая бутылка водки, пара яблок, десяток куриных яиц, острый шашлычный кетчуп и пачка сливочного масла — также вчера хранилось в том, исчезнувшем холодильнике. И пачкапельменей из морозилки. И алтайский сыр со следами терки на затвердевшем боку. И...

Я захлопнул дверцу и вышел из кухни. Сунул голову под холодный душ, вытерся полотенцем и долго рассматривал себя в зеркало. Так вот, оказывается, с каким выражением лица с ума сходят...

Летнее кафе было засыпано тополиным пухом. Медленно кружась, он падал и падал — под ноги, на стол, на колени, за ворот футболки. Вспыхивал в пепельнице от тлеющих сигарет. Плавал в больших пивных кружках. Иногда в кафе залетал хулиган-ветер и поднимал целые облака пуха. Именно так я представляю себе рай: большое мягкое облако, много пива и хорошая компания. Хорошей компанией был Серега. Он подошел к столу, протянул руку, здороваясь, заменил пластиковое кресло на такое же, но зеленое, и грузно уселся, переводя дух.

— Шрек знает, что творится, — заявил Серега, отпивая из кружки. — У меня пропали зуб и бывшая жена.

— Верка? — удивился я. — А что с ней?

— Ничего с ней, — отмахнулся он, — с ней всё в полном монпансье. Цветет и пахнет.

Я невольно улыбнулся этому «монпансье». Такие словечки, как репы, намертво прилипали к моему приятелю. Раскрывать словарь ему было в лом, и он поступал гораздо проще: сам придумывал незнакомым словам смысл.

— Только мы никогда не были женаты.

— Как это? — вытаращился я на Серегу.

— Вот так... Иду, значит, вчера домой, дай, думаю, пива возьму. Ну и свернул к ней в ларек. Подошел — ушам не верю: она меня Сереженькой зовет! Стою, гляжу на нее, как футурист на гадюку. То ли издевается, то ли с катушек съехала. А она пива наливает и кудрями на меня, кудрями — ну ты видел, когда она заигрывать-то с мужиками начинает. Я ей в ответ: дура ты, Верка! Ушла от меня — всё, хрен прощу. Ну, слово за слово, я кулаком по столу, она в рев. Паспорт достает: а там нет такой отметки, что замужем была. Я сначала-то подумал: прикидывается, новый получила. На дату гляжу — ни фиги. А утром проснулся — во, уже и зуба нет.

И Серега широко распахнул рот, словно сидел в поликлинике перед дантистом. Переднего вставного зуба действительно не было — вместо него торчал обломок настоящего.

— В прошлом году я его вставлял, — пояснил он, отмахиваясь от назойливого пуха, — на танцполе багром выбили.

— Каким еще багром?!

— Да откуда ж я знаю... Говорят, пожарным... А у тебя чё?

— У меня холодильник...

И я подробно пересказал приятелю свое утреннее происшествие.

— Это она, — убежденно сказал Трехтонник, трогая пальцем обломок зуба, — точно тебе говорю, она... вражина... — и он вытащил зазвонивший

мобильник. — Алё? С Харитохой пиво пью, а кто это? Жена?

При слове «жена» Серега машинально нажал на отбой и недоуменно посмотрел на меня.

— Там это, — ошарашено произнес он... — жена какая-то звонит. Нова... вая...

Автобус медленно тащился по Богдашке, наступая на пятки стареньким жигулям. Интеллигентного вида старичок за рулем «копейки» беспокойно оглядывался назад и пытался вывернуть в соседний ряд, но пробка была такая, что любое шампанское изошло бы пеной от зависти. Шофер автобуса ехидно скалился, чесал волосатую грудь и продолжал пугать старичка. Кондуктор — молодая девчонка лет семнадцати — устало дремала на переднем сиденье, а пассажиры шумно вздыхали, жалуясь на жару, дороги, пробки и правительство.

— Точно тебе говорю, — убеждал меня Серега, — это та гадюка, что нам следы заметала. Ты ее глаза видел? Никакая она не сумасшедшая. Ведьма.

— Не пори чушь! — вытирая пот со лба, отмахивался я. — Какая ведьма? Это розыгрыш, шоу какое-нибудь. Ты внимательно по сторонам смотри — наверняка скрытой камерой нас снимают. Подговорили твою Верку, паспорт новый подсунули... Холодильник вынесли.

— А зуб? — возмущился Серега и поморщился от боли.

Против зуба у меня аргументов не было.

Мы все ползли и ползли, «копейка» впереди закипела и остановилась, старичок выскочил и поднял капот, волосатый водитель автобуса громко выругался и сам стал выруливать в соседний ряд. Кондуктор проснулась и долго не могла понять, где находится. Какой-то парень в майке с изображением Tokio hotel поинтересовался, можно ли купить билет повторно, но с ее номером телефона...

«Новая жена» Сереги оказалась невысокой хрупкой блондинкой с огромными синими глазами. Звали ее Лика. Она чмокнула моего приятеля в щеку, отчего с ним тут же случился столбняк, поздоровалась со мной как со старым знакомым и забросала вопросами о том, как продвигается ремонт.

— Ремонт в самом разгаре, — заверил я Лику, — скоро закончим. А что мы ремонтируем?

Лика весело рассмеялась. Видимо, решила, что я шучу. Ага, шучу, как же. Затем хозяйка удалилась на кухню, пообещав на ужин гуся с яблоками, а мы с Серегой включили в зале телевизор и стали тихо шептаться между собой.

— Ты ее знаешь? — спросил я.

— Ага... — задумчиво кивнул приятель. — Мы с ней два месяца любовь крутили. Пока не появилась Верка и не начала на меня своими кудрями махать... Слушай, Харитох, я ведь мог каждый вечер на ужин гуся в яблоках есть. Если бы на Верке не женился... И лупила она меня... ну, Верка... скалкой по башке. А эта... в щеку.

Я потер пальцами виски и попытался сосредоточиться.

— Получается, что часть нашего прошлого изменилась... Словно кто-то взял и выкинул отдельные события.

— А вместо них другие запихнул, — кивнул головой Серега.

— Не, Серый! Ты не прав. Дальше просто всё за цепочку потянулось. Причина — следствие. Причина — следствие. Только наоборот. Если бы я не купил новый холодильник, я бы не продал старый. Если бы ты Верку не встретил, женился бы на Лике. И был бы уже Пятитонником, по гусю-то за вечер...

— Гамбит ты круглый, Харитоха.

— Почему гамбит?

— Потому что круглый гамбит и есть. Дурень то есть. Я ему о чувствах, а он...

— О каких чувствах? К гусю с яблоками?

— Вот я и говорю, полный гамбит. При чем тут гусь? Гусь — это следствие...

И Серега грустно вздохнул.

— Что делать-то будем? — спросил он.

Дел оказалось не так уж и мало. Во-первых, Серега взял отпуск и занялся... ремонтом. Видите ли, Лика считала, что мы ремонтируем его квартиру. Во-вторых, по вечерам мы «дежурили» на Ядринцевской в надежде встретить безумную незнакомку, собиравшую чужие следы. Незнакомка, однако, не появлялась. Ну, а в-третьих, пытались вспомнить все, что могло измениться в нашей жизни. На двоих насобирали кучу фактов вроде пропавших сувениров, знакомых незнакомцев, исчезнувшего из юности совместного путешествия на моторках и случившейся вместо него поездки в загородный дом отдыха. В общем, ничего существенного, если не считать Серегин зуб и мой холодильник. Ну и Лику, конечно. Мы уже хотели выкинуть из головы это мистическое происшествие, как вдруг грянуло действительно нечто из ряда вон. Нам принесли повестки в суд. Какой-то банк утверждал, что мы с Трехтонником на пару взяли солидный кредит на развитие личного бизнеса. И совсем не спешили его отдавать. Вы не поверите, но идея взять кредит действительно приходила нам в голову! Лет эдак несколько назад, когда наш бывший одноклассник Леха Вексельман заявился с пачкой мятых чертежей под мышкой и стал уверять, что изобрел уникальный аппарат по производству чипсов из кукурузы. Аппарат в итоге оказался полной туфтой, но на пару месяцев мы увлеклись этой идеей настолько, что даже изучили известные речи Никиты Сергеевича Хрущева о «царице полей». А теперь приходилось расплачиваться. Если только...

Неожиданная мысль шевельнулась и тут же притихла, спрятавшись в одной из потаенных каморок мозга.

— Ты не помнишь, что она там бормотала, ведьма эта?

— Вражина... — хмуро буркнул Серега. — Встречу, голову сверну.

— Так что она бормотала? — не отставал я.

— Про луну что-то... Мы, мол, две жабы под луной. Под черной.

— Не мы... Две жабы, черная луна, ночь и желтый цветок... — наконец

вспомнил я. — Черная луна... Я где-то видел такое название. Ну точно! Так кабак называется в пятом микрорайоне! И жабы там, по-моему, есть. Ну, если не жабы, то что-то похожее у входа. А ну, поехали!

Жабы оказались двумя деревянными столбами, вкопанными у входа в покосившееся здание бывшей столовой химкомбината. Венчали их хмурые лица древних языческих богов.

— Спецобслуживание, — угрюмый швейцар, выглянувший на наш стук, был одет в расшитую крупным бисером рубаху-косоворотку.

— Простите, а завтра?

— И завтра тоже.

Дверь захлопнулась, чуть не прищемив швейцару длинную седую бороду, а мы остались стоять на улице... Ну вот, съездили.

— Смотри-ка, цитрусы, — неожиданно заявил Серега.

— Какие еще цитрусы?

— Ну вон... на грядке растут.

Я обернулся и увидел, что вокруг каждого столба-идола была устроена круглая клумба с маленькими желтыми цветами.

— Ночь и желтый цветок, — прошептал я.

— Ну, дык я и говорю — цитрус. Как эта ведьма и болтала, — подтвердил мою догадку Серега.

— Цитрус — это лимон, — поправил я, — ну, или апельсин...

— Цитрус — это желтый, — не согласился Трехтонник и неожиданно предложил, — пойдем это... в окна поглядим.

Идея оказалась удачной. На одном из окон плотные шторы были сдвинуты недостаточно близко, и перед нами открылась добрая половина полупустого зала. На высоком стуле возле стойки бара потягивала коктейль красивая, модно одетая женщина с длинными рыжими волосами.

— Это она! — ткнул пальцем в стекло Серега. — Клянусь Шреком, это она!

— Да ну, Серый... та вообще какая-то забулдыга была...

Но Трехтонник уже не слушал. Решительным шагом он направился обратно к двери и нажал звонок.

— Я же вам объяснил, — высунулся швейцар, — у нас спец-о-о-о-о-о...

Резким пинком Серега распахнул дверь, схватил швейцара за бороду и, отступая в сторону, рванул на себя. Мимо меня промелькнули короткие ноги в лаптях — швейцар, нелепо взмахнув руками, летел прямо в деревянного идола.

— ...о-о-обслуживание, — закончил он, встретившись со столбом и сползая на землю.

Голова идола не выдержала и треснула, отвешивая поклон незванным гостям.

— За мной! — выдохнул Серега. — Багры смотри. Чтоб ни одна зараза за багры не схватилась.

Со стены злобно шерился древний идол, пожирая безумными зелеными глазами входящих. Вдоль грубо сколоченных столов сновала молоденькая официантка, расставляя глиняные миски с едой. При виде девушки я не сдержал нервного смешка: ее наряд был нелепой смесью разных эпох и

стилей — лапти, сарафан, кокошник, какие-то длинные ленты, вплетенные в волосы... Посетителей было немного — человек семь-восемь, они сидели за столами по одиночке, длиннобородые и какие-то нездешние. В самом центре — там, где обычно устраивают танцы — в большом каменном кругу горел открытый огонь. По другую сторону огня, у стойки бара, сидела наша рыжая знакомая и о чем-то беседовала с лохматым непричесанным барменом. Увидев ее, Серега устремился к бару, но ему наперерез выкатился краснощекий тучный мужичок с гусями в руках.

— Сюда нельзя! — тонким детским голоском пропищал он.

Не сбавляя шага, Серега отшвырнул гусяра на кадку с карликовой березой, увешанной разноцветными тряпичными лоскутами. Кадка опрокинулась, береза хрустнула и сломалась.

— Священное дерево! — возмущенно пискнул гусяр.

Официантка завизжала, бородатые дядьки стали вяло вылезать из-за столов, а из подсобки за баром вынырнули двое качков в одинаковых холщовых рубахах. Я подхватил упавшие гусли и стал смещаться к стене с нарисованным идолом. В драке я Трехтоннику не помощник, а вот от всяких типов с баграми охранять...

Первого Серега встретил мощным хуком, и охранник, завалившись на бок, медленно заскользил по полу навстречу каменному кругу. Второй продержался на четверть минуты дольше, после чего отлетел к стене, зажимая руками разбитый в кровь нос. Вся дистанция от входа до бара заняла у моего друга секунд сорок, так что в норматив мастера спорта по бегу с препятствиями Серега уложился с запасом. Препятствия валялись на полу, посетители застыли, так и не выбравшись из-за своих столов, только вот от нашей рыжеволосой знакомой остался недопитый коктейль на стойке бара да скомканная купюра с помятым лицом американского президента. Серега недоуменно завертел головой, а вслед за ним и я. Мистика...

— Что угодно молодым людям? — из подсобки за баром вышел высокий мужчина лет пятидесяти в строгом вечернем костюме. Говорят, что у настоящего джентльмена при себе всегда должно быть три носовых платка. Один для себя, второй для леди, а третий для нагрудного кармана. У мужчины платков была целая стопка. Правда, в руках.

— Где рыжая?! — рявкнул на него Серега.

— Простите, вы о ком? — мужчина смотрел на нас спокойным и даже равнодушным взглядом. Таким смотрят на неодушевленные предметы, а не на ворвавшихся в дом незваных гостей. Прямо не человек, а сфинкс на пенсии. Спокойствие мужчины отрезвляюще подействовало на Серегу.

— Да тут... — осекся он, — сидела гаденыша одна. Мартини хлебала...

— Наверное, она не сильно желала с вами встретиться, — заявил сфинкс. — Может быть, стоит поискать ее на улице?

Серега оглянулся на вход, словно прикидывая, могла ли Рыжая незаметно проскользнуть мимо, затем на поднявшихся с пола качков, на бородатых посетителей за столиками...

— А чего тут у вас? — спросил он.

Не то чтобы ему было действительно интересно, но уходить вот так, просто развернувшись, Трехтонник не умел.

— Это общество любителей старины, — сказал хозяин стопки носовых платков. — Они собираются в этом кафе каждую неделю. Еще что-то желаете узнать?

— Да не... — махнул рукой Серега, — извините. Мы это... пойдём.

— Всего хорошего!

Мужчина развернулся и направился обратно в подсобку, а мы с Трехтонником — к выходу. Что-то не давало мне покоя, какая-то мелочь, неоформившаяся мысль. Мы понуро прошли мимо насупленных охранников, отдали захваченный инструмент потирающему ушибленный бок гусяру, а мысль все ныла и ныла, словно маленькая заноза. И уже на выходе, когда я случайно бросил взгляд на изображение идола, она вдруг больно уколола меня в висок. У всех, кого мы здесь встретили, были зеленые глаза!

— Стой! — Я схватил Серегу за рукав. — А ну назад!

И, развернувшись, бросился к еще не закрытой двери подсобки. Этот зеленоглазый сфинкс на пенсии просто дурил нас — они тут все заодно! Зеленые глаза... Моя память тут же подсунула мне воспоминание о прочитанной в детстве книжке. Я не помнил ни автора, ни сюжета, всего лишь одну фразу: «У тех, кто управляет временем — зеленые глаза». Я бежал к двери и твердил про себя эту фразу, как заклинание. Ворвался в соседнее помещение и замер на пороге. Возле узкого длинного стола стоял мужчина-сфинкс, аккуратно насыпая в носовые платки по шепотке ярко-зеленой пыли. Не успел я произнести и слова, как вслед за мной в комнату влетел Трехтонник и тут же захлопнул дверь на большой металлический засов. На дверь обрушился мощный удар — видимо, это охранники пытались вышибить ее, но было уже поздно.

— Где рыжая?! — повторил свой вопрос Серега.

Сфинкс не ответил. Лишь перестал сворачивать узелки с зеленой пылью и надменно посмотрел на Трехтонника.

— Сюда! — увидев следующую дверь, завопил я. Мысль-заноза отчетливо пульсировала в виске: скорее, скорее...

Проскочив крошечную комнату, мы вылетели на лестницу, ведущую в подвал. Ощутимо запахло дымом — сладко и терпко. Так пахнет прошлое, когда гуляешь по узким улочкам старинных городов и ветер-бродяга приносит запахи других эпох. Серега неожиданно остановился и схватился за бок.

— Аппендицит! — прохрипел он. — Мне же его вырезали...

Внезапная догадка обожгла сознание: внизу, в подвале, жгли наше прошлое! Превозмогая боль, Трехтонник скатился по лестнице и нырнул в какую-то дверь. Вслед за ним в эту дверь влетел я. В большом темном помещении горел открытый камин, а вдоль стен были свалены полиэтиленовые пакеты и маленькие полотняные мешочки с землей. У камина стояла Рыжая и медленно — по крупинке — что-то сыпала в огонь.

— Прими дар, Старьбог, — бормотала она, — дай свободу...

Серега бросился к ней, но неведомая сила отшвырнула его обратно. Зеленоглазый идол времени ухмылялся со стены, а его рыжеволосая ищейка

все сыпала и сыпала крупинки нашего прошлого в огонь. Уворачиваясь от летящего на меня Трехтонника, я шагнул в сторону и наступил на какую-то упругую длинную палку. Посмотрел под ноги и обнаружил... багор. Обычный багор, который зачем-то необходим при тушении пожара. Нагнулся, схватил его и со всей накопившейся во мне злостью швырнул в ненавистное изображение идола. Раздался громкий треск, затем визгливый возглас Рыжей, а потом изображение расколосось на множество мелких кусков и посыпалось на пол.

— В огонь его! — выкрикнул я и бросился подбирать осколки.

Мне никто не мешал. Оправившийся от удара Трехтонник держал рвущуюся из его рук ищейку Старьбога, а я подбирал большие и маленькие куски и швырял их в огонь. Швырял и швырял, пока внезапно мир вокруг не содрогнулся и я не потерял сознание.

Очнулся я на грязном полу старой обшарпанной столовой. Рядом со мной, вертя головой по сторонам, сидел ничего не понимающий Серега. За высоким круглым столиком стояли двое алкашей, разливая по стаканам водку.

— Ты их видишь? — спросил один, указывая на нас пальцем.

— Кого? — пьяно переспросил второй.

— Чертей, — объяснил первый.

Серега поднялся с пола, подошел к столу и, не спрашивая разрешения, взял полный стакан водки. Выдохнул, выпил одним глотком и осторожно поставил на край стола.

— Пошли, — сказал он.

Алкаши, разинув рты, молча проводили нас ошарашенными взглядами.

— Слушай, — спросил меня Серега на улице. — Как ты думаешь, если я сейчас букет роз куплю, она меня не выгонит прямо с порога?

— Кто? Верка? — удивился я.

Серега обернулся ко мне и расплылся в широкой улыбке.

— Все-таки ты круглый гамбит, Харитоха!

Об авторе

Игорь Юрьевич Маранин родился в 1964 году в Новосибирске, где и живет по сей день. Получил два высших образования — историческое и экономическое. Пишет стихи и прозу, публикуется в периодике и на литературных сайтах, с 2006 года ведет свой литературный дневник на Mail.ru. Победитель и лауреат различных сетевых поэтических и прозаических конкурсов, в том числе на «Лучший литературный блог». В издательстве «Арт Хаус медиа» готовятся к выходу две книги фантастики.